

**ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ ИДЕЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В ТАДЖИКСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА
(1917–1923 гг.)**

М.С. Имомов, М.А. Абдуллаев

Рассмотрено становление таджикской публицистики на примере еженедельного издания “Пламя революции”, выпускаемого в 1917–1924 гг.

Ключевые слова: публицистика; идентичность; религия; самосознание; революция.

Первая таджикская газета “Бухорои Шариф” (“Благородная Бухара”) была выпущена 11 марта 1912 г. Просуществовав почти десять месяцев, после 153 номера она была запрещена эмирским правительством 2 января 1913 г. Отсталое феодальное правительство Бухары не давало возможности выпускать газету ни джадидам, передовой интеллигенции начала XX в., ни оппозиции. В Самарканде, то есть на территории русского Туркестана, одним из лидеров среднеазиатского джадидизма Махмудходжой Бехбуди (1875–1919) печатались двуязычные, таджикско-узбекские издания под названием “Самарканд” и “Ойина” (“Зеркало”). После революции, в июне 1918 г.,

была учреждена газета “Иштирокиюн” (“Коммунист”), которая была органом Комиссариата Туркестанской АССР по национальным вопросам. Эта газета была в основном узбекоязычной, но в ней также печатались новости на таджикском языке¹. Тем не менее, вплоть до Октябрьской революции 1917 г. и установления Советской власти в Туркестане и Бухарском Эмирате не было ни одной сугубо таджикской газеты.

Второе таджикское издание и в то же время первый советский таджикский еженедельник

¹ *Усмонов И.К.* Журналистика. Ч. 3. Душанбе, 2008. С. 28 (на тадж. яз.).

“Шуълаи инкилоб” (“Пламя революции”) вышел в свет 10 апреля 1919 г. Ежедневник был организован по инициативе одного из видных таджикских публицистов Саидризо Ализода (1887–1945), учредитель – Самаркандский областной комитет КП Туркестана.

Роль еженедельного издания “Пламя революции” в истории становления и развития таджикской публицистики огромна. На его страницах освещались события между двумя революциями – Октябрьской 1917 и Бухарской 1920 г. Период борьбы между старым и новым нашел отражение в публицистике как оперативном жанре. “Поэтому большинство советских писателей после революции начали свое творчество с этого жанра”¹. Их трибуной было единственное в то время еженедельное издание на таджикском языке – “Пламя революции”.

“Пламя революции” издавалось в интересный и противоречивый период истории таджикского народа. Поэтому, не поняв идейные и социально-политические особенности этого периода, невозможно понять тематическую специфику данного издания.

В одной части Средней Азии, то есть в русском Туркестане после революции 1917 г. установилась Советская власть, а в другой – еще существовали Бухарский Эмират и Хивинское Ханство со своими старыми позднефеодальными порядками и государственным устройством. В сентябре 1920 г. в Бухаре при участии большевиков произошла революция (подобная революция в Хивинском ханстве произошла в конце 1919 г.), эмир в спешке покинул свою столицу и переехал в Восточную Бухару, а затем в Афганистан. На месте Бухарского Эмирата образована Бухарская Народная Советская Республика. Хотя как в Бухаре, так и в Туркестане установилась Советская власть и распространялись новые общественные отношения, но старые порядки еще долгое время официально продолжали существовать. Как отмечает академик Р. Масов “...и после свержения ханского и эмирского режимов они сохранили старые административные и государственные названия, формально лишь измененные на статус народных советских республик”². Переходный период синтеза бухарско-эмиратских и советских порядков продолжался долго, особенно

¹ Маниязов А. Публицистика и поэзия С. Айни (1918–1921). Сталинабад: Госуд. изд-во Таджикистана, 1958. С. 71 (на тадж. яз.).

² Масов Р. Таджики: история с грифом “совершенно секретно”. Душанбе, 1995. С. 80.

в Восточной Бухаре (территория современного южного Таджикистана), где бывшие эмирские чиновники “мингбаши, аксакалы и амлякдары (названия чиновничьих должностей в Бухарском Эмирате – М.И. – М.А.) выполняли свои прежние обязанности в новых формах и содержаниях и под контролем органов Советской власти”³.

Ислам и часть мусульманского духовенства, признавшие советскую власть, по-прежнему играли активную роль и более того привлекались для участия в общественно-политической жизни Туркестанской АССР и в особенности БНСР. В БНСР были созданы управления по делам вакфа (при Министерстве просвещения) (“вакф” – в исламе неотчуждаемое имущество, предназначенное для определенных целей. В основном использовался как источник существования религиозных школ и медресе – М.И.–М.А.) и по делам шариата (при Министерстве юстиции). Председателем последнего, состоявшего из пятнадцати видных мусульманских богословов, был назначен известный в Бухаре исламский мутфий – богослов Мухаммадикром ибн Абдусалом, известный как муфтий Икромча (1847–1925), а его заместителем также видный исламский законовед, бывший верховный кадий Бухарского эмирата Шарифджан махдум Садр Зиё (1865–1932). В БНСР еще не было условий для создания советско-светских органов судебной власти. Поэтому, несмотря на то, что у власти стояли коммунисты, были сохранены с незначительными изменениями религиозные кадийские суды, которые стали называться “народными кадийскими судами”⁴. Данное управление контролировало деятельность этих народных кадийских судов. Последние просуществовали на территории Туркестанской АССР до 1924 г., а на территории Таджикской АССР – до 1928 г.⁵

Управление по делам вакфа, в котором некоторое время работал Шарифджан махдум Садр Зиё, занималось вопросами собственности и финансов школ и медресе, которые в БНСР стали подчиняться Министерству просвещения. Советская власть, несмотря на атеистические идеологические установки, вплоть до конца 20-х гг.

³ Тахиров Ф. Развитие права в Таджикистане. Душанбе: Ирфон, 1994. С. 96 (на тадж. яз.).

⁴ Хотамов Н.Б. История таджикского народа (с 60-х гг. XIX века до 1924 г.). Душанбе: Амри илм, 2001. С. 279 (на тадж. яз.).

⁵ Таджикская Советская Социалистическая Республика. Душанбе: Главн. научн. ред. Таджикской Советской Энциклопедии, 1984. С. 59.

XX в. нуждалась в помощи лояльного мусульманского духовенства и активно привлекала его для проведения различных реформ. К примеру, во время проведения земельно-водной реформы Советская власть натолкнулась на сильное сопротивление части мусульманского духовенства, которое объявило ее реформы противоречащими основам ислама. В такой обстановке было необходимо богословское обоснование земельно-водной реформы, и советские органы власти обратились к помощи лояльно настроенного Шарифджана махдума Садр Зиё. Он «составил шариатское узаконение (“фетву”), в котором, опираясь на нормы Корана, доказывал, что земельно-водная реформа угодна Аллаху. Этот документ подписали еще несколько известных мулл, что существенно помогло изжить колебания у глубоковерующих дехкан и тем самым – провести земельно-водную реформу»¹.

Причина таких идейных особенностей в Средней Азии и такой тактики большевистской партии в первые годы Советской власти, заключалась, прежде всего, в национально-религиозной идентичности мусульманского населения региона. Советская власть в первые годы существования учитывала эту специфику для упрочения своих позиций среди мусульманского населения на всей территории России. Первоначальная национально-религиозная политика Советской власти породила целое идейно-политическое течение внутри РКП(б), известное в истории как “национал-коммунизм”, “мусульманский коммунизм” или “советский шариатизм”. Самым видным идеологом данного течения был башкирский коммунист Мирсаид Султан Галиев (1892–1940). В Туркестане его поддерживал Турар Рыскулов (1894–1938). Под влиянием идей М. Султан Галиева и его сподвижников был даже выдвинут лозунг “За советскую власть, за шариат” и «даже сам Сталин провел в 1923 г. совещание мулл под лозунгом “Советская власть не противоречит шариату”»².

Такой была идейно-политическая обстановка в Средней Азии в период двух революций и в первой половине 20-х гг. XX в., которая нашла свое отражение в таджикской публицистике

¹ Дриккер Х.Н. Опыт Таджикистана в преобразовании классовой структуры // Народы Азии и Африки. 1982. №6. С. 112.

² Ланда Р.Г. Факторы стабильности и нестабильности в отношениях России и ислама (к истории вопроса) // Постсоветское мусульманское пространство: религия политика идеология. М.: Наука, 1994. С. 43.

этих годов, представленной единственным еженедельным изданием “Пламя революции”.

Наиболее активными авторами этого издания были известные в то время таджикские писатели и публицисты С. Ализода и С. Айни. Последний впоследствии стал основоположником новой таджикской литературы и культуры. Согласно исследованиям И. Усмонова и Д. Давронова, только «С. Айни за исключением стихов в газете “Пламя революции” опубликовал около 93 статей, очерков и переводов»³. Объем данной статьи, конечно же, не позволяет обстоятельно рассмотреть и проанализировать всю публицистику данного издания. Невозможно также рассмотреть хотя бы часть публицистических работ С. Айни в тот период. Поэтому мы остановимся на анализе некоторых публицистических статей С. Айни, в которых наиболее ярко выражены идеи “национал-коммунизма” и выявляются особенности национальной идентичности таджиков в период до национально-территориального размежевания 1924 г.

В статье “Помогите Красной Армии” С. Айни дает такую оценку Красной Армии: “Красный солдат является самым почитаемым и самым избранным солдатом мира, потому что цель Красной Армии, проявив самоотверженность, изгнать из мира всех тех кто проливает кровь [невинных людей] или становится причиной кровопролития, и тем самым восстановить на земле [всеобщее] миролюбие”⁴. Далее, отмечая “священность целей и убеждений Советской власти” и описывая героизм красноармейцев в борьбе против врагов Советской власти и внешних империалистов-интервентов, он пишет, что хотя в этой борьбе внутри России достигнуты “торжественные победы”, но на Востоке еще полностью “не достигли своей цели”. Поэтому автор призывает народы Востока и особенно мусульман Туркестана всячески помочь Красной Армии и содействовать ее победам: “Все те, которые являются врагами кровопролития человека, все те, которые хотят всеобщий вечный мир, все те, которые мечтают о свободе Востока, более, не теряя времени должны, помочь Красной Армии. Мусульмане Туркестана должны еще больше придать значения этому делу”...⁵ «Братья! Любая помощь, которую вы оказываете

³ Усмонов И., Давронов Д. История таджикской журналистики. Душанбе, 2008 С. 87. (на тадж. яз.).

⁴ Айни С. Избранные произведения: В 2 т. Т. 1. Душанбе: Ирфон, 1977. С. 129.

⁵ Там же. С. 130.

Красной Армии, приносит мир и благополучие, спасает невольников, освобождает Восток и ислам. Избавляет исламский мир от лживых империалистов, поэтому мы с большим упованием говорим: “Помогите Красной Армии”»!¹

В этих словах С. Айни четко выражена идея национал коммунизма, когда мусульмане призываются к поддержке социалистической Красной Армии, так как, по убеждению автора, именно она освободит Восток и ислам.

В статье “Армия и ислам” наблюдаем причудливый синтез исламских, национальных и советских убеждений. В ней рассматривается значение службы в армии (имея в виду Красную Армию – М.И.–М.А.) “с точки зрения ислама” и “с точки зрения Туркестана и туркестанцев”, которые в совокупности являются “отважной расой”². После этого автор делает исторический экскурс в героизм туркестанцев в “защите исламского мира” и объясняет последующий упадок такого героизма междоусобными войнами, когда они “совершенно утратили воинский дух и свою храбрость”³. По его мнению, только с победой “Великой Российской Революции... народы Востока и в особенности исламского мира освободились от многовекового гнета и для этого [Советская власть] организовала Красную Армию”⁴. Именно поэтому “башкиры поспешили на защиту Петербурга”, а “киргизы и казахи, объявив свою автономию, начали формировать собственные красноармейские силы”⁵. Развивая свою мысль, автор статьи восхваляет “Советскую власть, которая предоставила равные права всем нациям. Вручила в собственные руки их политические, научные, социальные, экономические и религиозные дела. После этого все единодушно сплотились под красным знаменем. Начали действовать за избавление Востока, от которого зависит истинное освобождение человечества и ислама”⁶. В конце статьи автор призывает всех мусульман и туркестанцев вступать в ряды Красной Армии, потому что “вопрос жизни и смерти – для нас, туркестанцев, освобождение или неволя исламского мира, зависит от нашего вступления или невступления в Красную Армию”!⁷

¹ Айни С. Избранные произведения: В 2 т. Т. 1. Душанбе: Ирфон, 1977. С. 131.

² Там же. С. 135.

³ Там же. С. 136.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 137.

⁷ Там же. С. 138.

Статья “По случаю священного месяца рамадан: в саду Шахи Зинда” начинается с восхваления священного месяца рамадан, когда с особенной силой “пробуждаются религиозные чувства народа”⁸. Затем описывается героизм исторического моджахеда Ибн Аббаса, который, приехав в Туркестан с трудностями и лишениями из Аравии, “стал бороться в Самарканде с невежеством и предрассудками предков, направив их на истинный путь”. Далее автор рассматривает времена расцвета и причины упадка Туркестана, и утверждает, что: “под сенью Советской власти, с братским единением, с мужественным рвением и стремлением социалистической молодежи, исцелятся все болезни нашей родины”⁹.

Одной из существенных черт публицистики этого периода, в том числе публицистики С. Айни, является своеобразное использование этнических и религиозных терминов, которые отражают особенности национально-религиозной идентичности таджиков в период до национально-территориального разделения Средней Азии. Объектом агитации и призывов статей как С. Айни, как и других публицистов данного периода, являются “мусульмане”, или “бухарско-туркестанская” нация. Не таджиков или узбеков, а мусульман, бухарцев и туркестанцев призывают публицисты к национальному пробуждению и активным действиям во имя революции. В них мы не встречаем или мало встречаем такие этнонимы, как таджики или узбеки, хотя под “мусульманами” или “бухарско-туркестанской” нацией понимаются именно они.

Поэтому как и до революции «...местное население Средней Азии в официальных решениях и постановлениях партийных и советских органов называлось не по этническому признаку, а как “тюркское” или “мусульманское”. В архивных документах встречаем выражения: “тюркские” или “мусульманские” языки, школы, училища, “тюркский” или “мусульманский пролетариат”¹⁰, т.е. просто использовалась дореволюционная терминология: “тюрки”, мусульмане, “туземцы” и т.д.»¹¹. Использование этих понятий, конечно, не было случайным. Основная причина заключалась в том, что сами народы региона в большинстве случаев называли

⁸ Айни С. По случаю священного месяца рамадан: в саду Шахи Зинда // Сила Слова. 2004. №16 (62) (на тадж. яз.).

⁹ Там же.

¹⁰ Масов Р. Указ. соч. С. 80.

¹¹ Там же.

себя мусульманами не только в религиозном, но также в национальном плане. Понятие “мусульманин”, таким образом, приобретало также национальный смысл. Это было следствием того, что в Среднеазиатском регионе на протяжении веков не существовало именно национального типа государственной жизни. Иначе говоря, и Бухарский Эмират, и прочие государственные образования не были национальными государствами. На наш взгляд, именно поэтому, как отмечает академик Р. Масов, в революционные годы “еще не определилось национальное самосознание многих народов региона, относящих себя или считающих себя представителями того или иного этноса”¹. Современное этнонациональное самосознание таджикского народа начало формироваться с 1924 г., когда была образована Советская Автономная Республика Таджикистан. В 1924 г., через два года после закрытия издания

¹ Масов Р. Указ. соч. С. 80.

“Пламя революции”, была создана газета “Овози тоджик” (“Голос таджика”), на страницах которой стали выражать и освещать не “мусульманскую или бухарско-туркестанскую” идентичность, а новое таджикское национальное самосознание.

Таким образом, публицистика еженедельного издания “Пламя революции” сыграла исключительно важную роль в зарождении таджикского национального самосознания в период после революции 1917 г. и до национально-территориального размежевания в Средней Азии. Как было отмечено выше, особенности отражения таджикской национальной идентичности в публицистике этого издания выражались в специфике самого времени, которое можно охарактеризовать как переходный период в сознании таджиков. Впоследствии публицисты этого издания, и особенно Садриддин Айни, внесли существенный вклад в становление и развитие таджикской национальной идентичности.